

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-15

УДК [316.6:159.923] (082)

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЭТНОСОВ

Бочарова Е.Е.

Изложены результаты теоретического и эмпирического исследования взаимосвязи параметров субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов. В ходе эмпирического исследования проверялась справедливость гипотезы, согласно которой разные типы совмещения этнокультурных (универсальных и специфических) параметров выступают основанием дифференциации предикторов субъективного благополучия контактирующих этногрупп. Показано, что предикторами субъективного благополучия в выборке русских являются – «стремление к интеграции» и «дистанция по отношению к власти», в выборке армян – «стремление к этноизоляции», «дистанция по отношению к власти» и «принятие социальной поддержки».

Ключевые слова: личность; этногруппа; субъективное благополучие; психологические измерения культуры; этнокультурные характеристики.

CORRELATIONS BETWEEN THE PERSON'S SUBJECTIVE WELL-BEING AND ETHNO AND CULTURAL CHARACTERISTICS OF CONTACTING ETHNIC GROUPS

Bocharova E.E.

The article presents the results of theoretical and empirical investigations of relationship of ethno-cultural characteristics in the structure of personal subjective well-being of the representatives of contacting ethnic groups. An empirical research was carried out to test the hypothesis that the combination of different types of ethno and cultural (generic and specific) parameters are the basis of differentiation predictors of subjective well-being of contacting ethnic groups. The paper shows that predictors of subjective well-being in a sample are Rus-

sian – «the desire for integration» and «distance in relation to power» in the selection of the Armenians – «the desire to ethnic isolation», «distance in relation to the authorities» and «acceptance of social support».

Keywords: *personality; ethnic group; subjective well-being; psychological dimension of culture; ethno and cultural characteristics.*

К постановке проблемы

Особый интерес в сфере взаимодействия культур представляет изучение этнокультурных характеристик контактирующих этнических групп и их проявления во взаимосвязи с субъективным благополучием личности в условиях этнокультурной неоднородности.

Разрабатывая проблему субъективного благополучия, многие исследователи особо подчеркивают необходимость ее включения в дискурс этнокультурной приверженности личности, актуализация которой связана с наличием в современном обществе противоречивых тенденций: стремление к интеграции, созданию метакультурных общностей и этнической дифференциации, сохранению культур в их национально-особенных формах. Каждый из этих процессов носит двойственный характер, отражающий на своем уровне баланс влияния взаимодействия культур на формирование критериев субъективно «должного» или, напротив, «интернационально-стандартного» благополучия, реализация которого связана с действием соответствующих механизмов: идентификации и обособления, ассимиляции и аккомодации, интернализации и экстернализации.

Весьма существенным является и то, что этносы не являют собой «застывшие» общности, они, в свою очередь, как отмечает Т.Г. Бортникова, также «являются и результатом, и процессом развития взаимодействующих культур» [1, с. 352]. В свете сказанного, различные культуры и разнообразные традиции, имеющие самые разные источники происхождения, возникающие и исчезающие в процессе своего существования, и сочетающие в себе характеристики соприкасающихся культур придают вариативность объяснительным конструктам субъективного благополучия личности в контексте аккультурации.

Не менее существенным является факт наличия глубоких качественных трансформаций сложившейся этнокультурной системы: изменение аксиологической направленности, ценностных ориентаций и их иерархии, выступающие основанием субъективного благополучия, смена критериев оценки удовлетворенности жизнью и представлений о собственном благополучии и, в соответствии с этим, переоценка статуса своей группы (в частности, этнокультурной общности), а также ее места в изменяющихся социокультурных условиях [2], [3], [4]. Отметим, что

субъективное благополучие – сложный интегративный феномен: психологический по локусу существования и социальный по особенностям проявления. Свидетельством тому, являются результаты ряда исследований, выполненных Е.Е. Бочаровой, А.Р. Вагаповой, В.В. Гриценко, Р.М. Шамионовым, посвященных изучению этнопсихологических характеристик социального поведения, субъективного благополучия, социальной успешности, субъектной позиции, социальной активности юношества и молодежи различных этносов [5], [6], [7], [8]. Так, данные ранее предпринятого нами исследования, выполненного на выборках русской и татарской молодежи, свидетельствуют об актуализации этнодифференцирующих признаков в проявлении социальной активности молодежи в случае переживания субъективного неблагополучия [5].

Вместе с тем, этнокультурная неоднородность, как отмечает А.В. Сухарев, «в ситуации кардинальных изменений во всех сферах нашего общества, создает условия для возникновения конфликтов в психике человека, приводит к рассогласованности психики, что в свою очередь является одним из факторов возникновения нарушения отношений человека с внешней средой. Наличие рассогласования – показатель риска возникновения психической дезадаптации человека к собственной внутренней и внешней среде» [9, с. 42] и, в целом, на наш взгляд, является показателем риска возможного неблагополучия.

Данные сравнительного анализа соотношения социальных и культурных ценностей и их структуры, выполненного Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко на выборках сельских и городских студентов-удмуртов, позволили зафиксировать наличие рассогласования в структуре социальных и культурных ценностей преимущественно в выборке сельских студентов-удмуртов. Это иллюстрирует тот факт, что привычные традиционные нормы, приверженность к этнокультурным традициям сельских студентов кардинально отличающихся от культурных стандартов города. В целом, как отмечают исследователи, «это напоминает процесс аккультурации этнических меньшинств (в данном случае – удмуртов из сельской местности) в доминирующем обществе (в данном случае – в городской среде), когда эти группы вынуждены расстаться с теми культурными чертами, которые ценны, но неадаптивны» [10, с. 365].

Обращаясь к феноменологии этнической культуры, исследователи склонны рассматривать как совокупность этнодифференцирующих и этноинтегрирующих характеристик данной культуры, допуская при этом, что в ряде случаев культура этнической группы может и не иметь отличий от культуры титульного этноса [1], [11], [12], [13]. Между тем, нельзя не отметить, что «специфической особенностью этнической культуры является опора на традицию и настроенность на воспроизведение принятых образцов жизненной активности – как в области поведения, так и мышления. Эта культура консервативна, проявляет явное стремление к кон-

сервации и доминированию охранительных тенденций» [13, с. 185]. Поэтому представляется возможным говорить о том, что соотношение этнодифференцирующих и этноинтегрирующих характеристик этнических культур, их взаимодействие является и процессом, и одним из факторов, при участии которого происходит становление и функционирование субъективного благополучия личности разных этнических групп. В этой связи, вполне закономерно возрастание исследовательского интереса к психологическим измерениям культуры с фиксацией социо-этнокультурных индикаторов субъективного благополучия.

Тенденция психологических измерений культуры с фиксацией социо-этнокультурных индикаторов коими являются «индивидуализм – коллективизм», «дистанция власти», «маскулинность – фемининность», «избегание неопределенности» – зафиксирована в многочисленных исследованиях российских и зарубежных исследователей [1], [8], [9], [14]. Вместе с тем, спектр обсуждаемых тем – будь то область психологических измерений культуры измерения или этнопсихологическое «измерение» субъективного благополучия с выявлением универсальных и специфических характеристик – остается разрозненным и пополняется в незначительной степени.

Таким образом, основной фокус проблемы – это осмысление консолидации этнодифференцирующих и этноинтегрирующих параметров социо-этнических культур, паттернов их соотношения во взаимосвязи с субъективным благополучием личности контактирующих этнических групп.

Программа эмпирического исследования

Цель исследования состояла в выявлении особенностей взаимосвязи субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов.

Гипотеза исследования: разные типы совмещения этнокультурных (универсальных и специфических) параметров выступают основанием дифференциации предикторов субъективного благополучия личности контактирующих этногрупп.

Выборка: представители молодежи, причисляющих себя к представителям русского или армянского этноса (г. Саратов, N=70, женского и мужского пола; разных профессий, средний возраст 25,5 лет, SD =10,69).

Методики:

1. Опросник «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) [15], позволяющий зафиксировать характеристики этнического самосознания и его трансформации в поликультурных условиях.

2. Для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия применена «Шкала субъективного благополучия» (М.В. Соколова) [16]. В соответствии с адаптированным вариантом методики предлагается дифференциация по шести кластерам: напряженность и чувствительность; признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику; изменение настроения; значимость социального окружения; самооценка физического здоровья; степень удовлетворенности повседневной деятельностью. Обобщенное суждение о субъективном благополучии делается на основе сложения баллов, полученных по всем кластерам. Необходимо отметить, что согласно методике М.В. Соколовой – чем выше индекс, тем ниже уровень субъективного благополучия.

3. Методика «Уровень социальной фрустрированности» (Л.И. Вассерман) с фиксацией параметров субъективного благополучия на когнитивном уровне [17].

4. Для измерения психологических характеристик культуры «дистанция власти», «индивидуализм – коллективизм», «маскулинность – феминность», «избегание неопределенности» применена «Шкала культурных ценностей» (Г. Хофстеде) [14].

Анализ результатов исследования осуществлен на основе методов математической статистики (сравнительный анализ с применением t-критерия Стьюдента, факторный анализ с использованием процедуры варимакс-вращения. Статистическая обработка данных проведена с помощью приложения Microsoft Excel for Microsoft Office XP, с применением статистического пакета SPSS 13.0.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

1. Этническая идентичность контактирующих этносов

Прежде всего, необходимо отметить, что индекс этнического разнообразия в Саратовской области соответствует 140 [18]. Это результат исторического процесса заселения и освоения Саратовской земли, современных миграционных процессов, их глобализации. Согласно данным анализа этнического состава г.Саратова выявлены следующие тенденции: самые многочисленные после русских (91,6%,) татары (1,8% от всего населения города), украинцы (1,3%), армяне (1,1%,) [18].

Традиционно принадлежность личности (группы) к этносу оценивается через понятие «этничность» и закрепляется самоидентификацией. Этничность являет собой форму социальной организации культурных различий, состоящей из тех характеристик, которые сами члены этнической группы считают для себя значимыми: обладание одним или несколькими общими

названиями, общие элементы культуры, представление об общем происхождении и, как следствие – наличие общей исторической памяти, чувства групповой солидарности. Именно культура этноса, как отмечает Ф. Барт, «определяет «границы» этноса, отличия каждого из них от других, отмечая при этом, что существование этнических различий не предполагает взаимонеприятия и отсутствия социального взаимодействия, но, напротив, нередко становится тем основанием, на котором возводятся все социальные системы» [19, с. 11].

В этой связи вполне обосновано наше обращение к рассмотрению параметров этнической идентичности у представителей контактирующих этносов, идентифицирующих себя как русских и армян.

Обратимся к результатам исследования выраженности параметров этнической идентичности у представителей контактирующих этносов: русских и армян (табл. 1).

Таблица 1

***Выраженность параметров этнической идентичности
 у представителей русского и армянского этноса***

Параметры этнической идентичности	Русские	Армяне	t-кр Стьюдента
Этнонигилизм	1,7	2,0	0,01
Этническая индифферентность	4,9	10,7	2,74**
Позитивный тип этнической идентичности (этнонорма)	13,7	17,0	2,63*
Этноэгоизм	7,6	6,0	0,01
Этноизоляционизм	4,7	6,8	2,54*
Национальный фанатизм	6,1	6,4	0,01

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Данные представленные таблице 1, свидетельствуют о том, что доминирующую выраженность в выборке русских имеет позитивный тип этнической идентичности (среднее $M = 13,7$) с тенденции гиперпозитивного (этноцентричного) проявления этнической идентичности. Не исключено, что данный факт объясняется статусом русских как титульного этноса, являющегося носителем доминирующего типа культуры.

В выборке армян отмечается позитивное принятие своей этноидентичности (среднее $M = 17,0$) в сочетании с установками на проявление индифферентного отношения к иным этногруппам (среднее $M = 10,7$) ($p < 0,01$). Кроме того, в отличии от русских в выборке армян «этноизоляционизм» имеет наибольшую представленность. В данном случае, мы можем наблюдать, с одной стороны, проявление индикаторов внутриэтнической сплоченности и солидарности,

подчинения этнофора своей ингруппе, приоритетам межпоколенных связей, с другой – принятие, готовность к межкультурному взаимодействию в условиях этнического многообразия.

Обращает внимание факт наличия в исследуемых выборках наименьшей выраженности параметра «этнонигилизм», что свидетельствует, на наш взгляд, об актуализации своей причастности к этнической группе.

2. Структурная организация субъективного благополучия личности контактирующих этносов

Субъективное благополучие являет собой сложную функциональную систему представленную комплексом психологических образований. Основанием данного комплекса выступает система субъективных отношений личности к себе, социальным системам в которые она интегрируются.

Структурная организация системы субъективных отношений представлена ее компонентами, в качестве которых выступают когнитивная, эмоциональная, конативная (поведенческая) подсистемы, взаимосвязь которых осуществляется через сопровождающие их функционирование эмоциональные переживания в общем чувстве удовлетворенности (или неудовлетворенности).

Обращаясь к данным, представленных таблице 2, можно констатировать наличие достаточно высокого уровня субъективного благополучия в выборках русских и армян. Необходимо отметить, что согласно методике М.В. Соколовой – высокий индекс субъективного благополучия соответствует низкому уровню субъективного благополучия.

Таблица 2

Выраженность параметров эмоционального субъективного благополучия (СЭБ) русского и армянского этноса

Параметры	Русские	Армяне	t-критерий Стьюдента
Напряжённость и чувствительность	6,26	7,66	0,01
Психоземotionalная симптоматика (депрессия, подавленность, рассеянность и т.п.)	7,66	7,78	0,01
Изменение настроения	6,11	9,23	2,63*
Значимость социального окружения	10,34	7,06	2,66*
Самооценка здоровья	6,29	6,09	0,02
Степень удовлетворённости повседневной деятельностью	8,43	12,78	2,73**
Индекс СЭБ	45,19	43,60	0,31

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Существенные различия на достоверно значимом уровне обнаружены по параметрам: лабильность настроения (среднее $M=8,23$), степень удовлетворённости повседневной деятельностью (среднее $M=12,74$), наибольшая выраженность которых наблюдается в выборке армян. В выборке русских наибольшей представленностью отличается значимость социального окружения, ожидания социальной поддержки (среднее $M=10,34$).

В целом испытуемые характеризуется проявлением позитивной самооценки, удовлетворенности собой, своими достижениями, что свидетельствует о переживании эмоционального комфорта.

С целью изучения субъективного благополучия на когнитивном уровне применена методика «Уровень социальной фрустрированности» (Л.И. Вассерман), позволяющей зафиксировать параметры неудовлетворенности личности своим социальным статусом, социальными достижениями в основных сферах жизнедеятельности.

Сопоставительный анализ (по t-критерию Стьюдента) параметров социальной фрустрированности позволил выявить как внутригрупповые, так и межгрупповые различия удовлетворенности сферами жизнедеятельности в исследуемых выборках (табл. 3).

Таблица 3

**Выраженность параметров социальной фрустрированности
 у представителей русского и армянского этноса**

Параметры	Русские	Армяне	t-критерий Стьюдента
Удовлетворенность взаимоотношениями с родными и близкими	4,86	5	0,02
Удовлетворенность ближайшим социальным окружением	4,49	3,34	0,31
Удовлетворенность своим социальным статусом	4,11	12,29	2,73**
Удовлетворенность социально-экономическим положением	12,34	12,6	0,01
Удовлетворенность здоровьем и работоспособностью	5,2	5,03	0,01
Индекс социальной фрустрированности	31	38,26	2,63*

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Проявление неудовлетворенности в социально-экономической сфере наблюдается как в выборке русских (среднее $M=12,34$), так и в выборке армян (среднее $M=12,29$). Очевидно,

что удовлетворенность социально-экономическим положением предполагает удовлетворенность материальным положением, жилищно-бытовыми условиями, трудовая занятость, возможность досуга. Судя по тому, что сфера «социально-экономическое положение» представлена в обеих выборках самыми высокими баллами в сравнении с другими сферами, можно полагать, что именно неудовлетворенность своим социально-экономическим статусом обладает в сознании респондентов наибольшей субъективной значимостью. Кроме того, в отличие от русских выборка армян характеризуются высокой степенью неудовлетворенности своим социальным статусом, включающим показатели: образование, уровень профессиональной подготовки, сфера профессиональной деятельности, работа в целом (среднее $M=12,34$) ($p \leq 0,01$).

В целом необходимо отметить, что неудовлетворенность в обеих выборках обусловлено преимущественно социально-экономическими факторами качества жизни, связанные с процессами модернизации общества.

3. Этнокультурные характеристики личности контактирующих этносов

Обратимся к результатам исследования выраженности параметров этнокультурных характеристик у представителей контактирующих этносов: русских и армян (табл. 4).

Таблица 4

Выраженность параметров этнокультурных характеристик у представителей русского и армянского этноса

Этнокультурные параметры	Русские	Армяне	t-критерий Стьюдента
Дистанция власти	16	17	0,01
Индивидуализм – коллективизм	53	28	2,73**
Маскулинность – феминность	4	6	0,01
Избегание неопределенности	-18	-38	2,72**

Примечание: ** $p \leq 0,01$.

Представленные данные в таблице 4, позволяют констатировать наличие существенных различий в исследуемых выборках по этнокультурным параметрам: «индивидуализм – коллективизм» и «избегание неопределенности». Степень выраженности индивидуализма существенно выше в выборке русских, нежели армян. Вероятно, данный факт объясняется изменениями социально-экономической ситуации в обществе, провоцирующей стремление русских к конкурентоспособности, к проявлению инициативы и самостоятельности в достижении целей, невзирая на неопределенность ситуации.

Представители армянской выборки, напротив, демонстрируют стремление к интеграции в сплоченные группы, избегая при этом ситуации неопределенности и риска. Не исключено, что в ситуации неопределенности и риска представители армянского этноса тяготеют к ин- групповой консолидации, проявляя четкую дифференциацию членов ин- группы и аутгруппы.

Выраженность параметров «дистанция по отношению к власти» и «маскулинность – фе- минность» в исследуемых выборках представлена в паритетном соотношении, имеющие не высокие показатели. Очевидно, что респонденты обеих выборок особое значение придают равноправию и разделению власти по принципу «первый среди равных», демонстрируя при этом стремление к достижению материальных благ.

4. Взаимосвязь субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов

Обратимся к факторной структуре этнической идентичности, субъективного благополучия, социальной фрустрированности и этнокультурных характеристик в исследуемых выборках.

В выборке русских факторный анализ эмпирических данных позволил выделить 2 факто- ра, условно названные «Стремление к интеграции» и «Дистанция по отношению к власти» (рис. 1 и 2).

Первый фактор, условно названный «*Стремление к интеграции*», представляет собой со- вокупность переменных, отличающихся разной направленностью, оказывающих взаимное влияние (рис. 1). Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 31 %.

Удовлетворенность социально-
экономическим положением (-0,568)
Удовлетворённость повседневной
деятельностью (-0,548)

Значимость социального окружения (0,817)
Позитивная этническая идентичность (0,745)
Индивидуализм/коллективизм (0, 645)
Избегание неопределенности (0, 605)
Этноэгоизм (0, 545)

Рис. 1. Этнокультурные параметры субъективного благополучия русских, составившие фактор «Стремление к интеграции» (с указанием факторных нагрузок)

Выделение этого фактора свидетельствует об актуализации значимости социального окру- жения и его поддержки, проявлении контактности и толерантности, стремлении русских к интеграции с представителями других этносов, готовности следовать регламентированным правилам, формализованным указаниям и нормам поведения в случае неудовлетворенности

своей повседневной деятельностью в условиях нестабильного социально-экономического положения.

Второй фактор определён нами как «Дистанция по отношению к власти» (рис. 2). Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 17,2%. Очевидно, что возможное благополучие, удовлетворенность своей жизнью во многом связано с ожиданием поддержки власти, отличающейся авторитарностью.

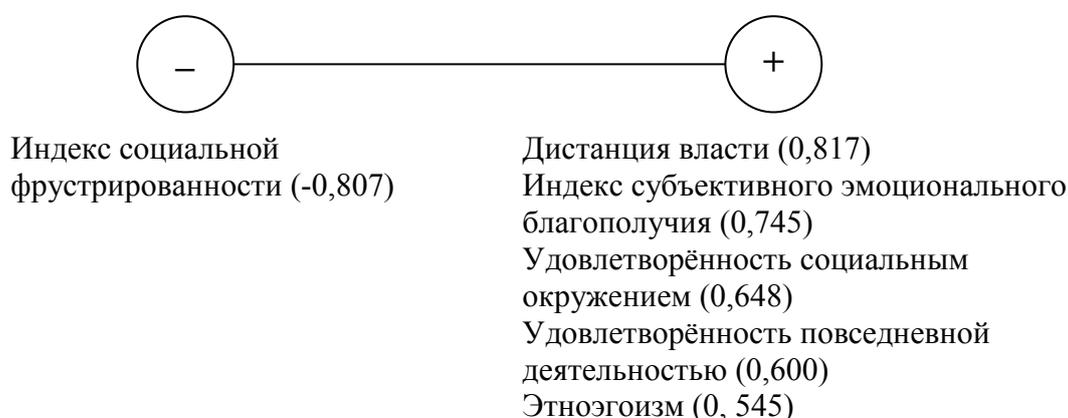

Рис. 2. Этнокультурные параметры субъективного благополучия русских, составившие фактор «Дистанция по отношению к власти» (с указанием факторных нагрузок)

В выборке армян факторный анализ эмпирических данных позволил выделить 3 фактора, условно названные «Стремление к этноизоляции», «Дистанция по отношению к власти» и «Принятие социальной поддержки» (рис. 1, 2, 3).

Первый фактор определён нами как «Стремление к этноизоляции» (рис. 3). Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 32,2%.

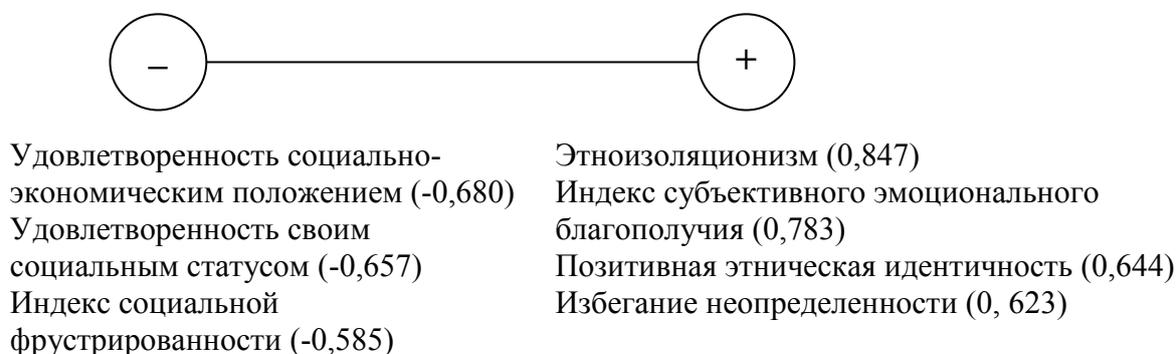

Рис. 3. Этнокультурные параметры субъективного благополучия армян, составившие фактор «Стремление к этноизоляции» (с указанием факторных нагрузок)

Выделение этого фактора свидетельствует о том, что субъективное благополучие подкрепляется проявлением этнического консерватизма и традиционализма, стремлением к ингрупповой консолидации, обеспечивая, возможно, тем самым этнокультурную преемственность. Кроме того, наблюдается стремление избежать ситуации неопределенности и риска.

Второй фактор определен нами как «Дистанция по отношению к власти» (рис. 4). Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 12,8%.

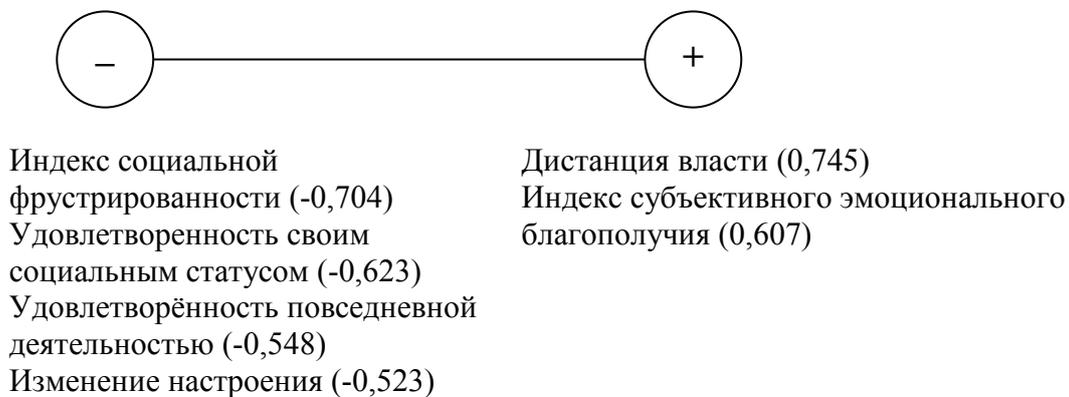

Рис. 4. Этнокультурные параметры субъективного благополучия армян, составившие фактор «Дистанция по отношению к власти» (с указанием факторных нагрузок)

Как и в выборке русских, для представителей армянского этноса возможное благополучие, удовлетворенность своей жизнью во многом связано с ожиданием поддержки власти, отличающейся авторитарностью.

Третий фактор определен нами как «Принятие социальной поддержки» (рис. 5). Его вклад в общую суммарную дисперсию составляет 10,2%.

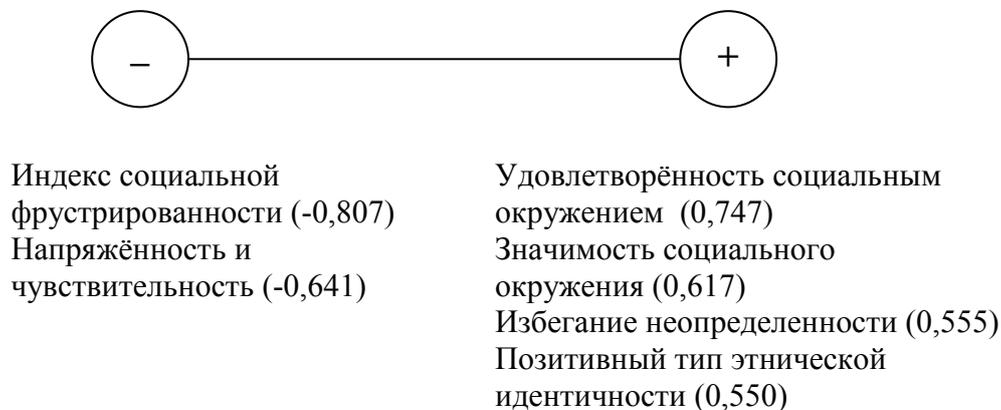

Рис. 5. Этнокультурные параметры субъективного благополучия армян, составившие фактор «Принятие социальной поддержки» (с указанием факторных нагрузок)

Выделение этого фактора свидетельствует о принятии социальной поддержки окружающих, невзирая на их этническую причастность в разрешении неопределенных ситуациях риска.

Заключение

Обобщенная интерпретация полученных результатов позволяет констатировать, что разные типы совмещения этнокультурных (универсальных и специфических) параметров выступают основанием дифференциации предикторов субъективного благополучия личности контактирующих этногрупп в условиях этнокультурной гетерогенности общества.

Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в разработке программ психологического содействия оптимизации субъективного благополучия личности, а также программ молодежной политики.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14–06–00250а «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ»).

Список литературы

1. Бортникова Т.Г. Динамика этнокультурных процессов и проблемы коммуникации // Социально-экономические явления и процессы, 2011. № 11 (33). С. 349-356.
2. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53-63.
3. Шамионов Р.М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов // Психологические исследования. 2014. Т. 7. №35, С. 12. <http://psystudy.ru/index.php/eng/2014v7n35e/1011-shamionov35e.html> (дата обращения 10.07.2015).
4. Robinson O.C., Lopez F, G, Ramos K., Nartova-Bochaver S. Authenticity, Social Context and Well-Being in the United States, England and Russia: A Three Country Comparative Analysis // Cross-Cultural Psychology. 2013. Vol. 44, № 5. Pp. 165-170.
5. Бочарова Е.Е. Этнопсихологические детерминанты социальной активности студенческой молодежи // Психология обучения. 2012. № 11. С. 124-132.
6. Вагапова А.Р. Этногрупповые представления о благополучии и эмоционально-оценочное отношение к Другим // Психология обучения. 2014. № 12. С. 143-150.

7. Гриценко В.В. Исследование субъективного благополучия русских и хакасов в условиях общественно экономических перемен // Проблемы социальной психологии личности. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 132-147.
8. Шамионов Р.М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 79-83.
9. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития человека // Вопросы психологии. 2002. №2. С. 40-57.
10. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Культура как фактор общественного прогресса. – М.: ЗАО «Юстицинформ». 2009. 408 с.
11. Бендас Т.В. Россия и Казахстан: этнокультурные и гендерные различия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7. С. 4-7.
12. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003. 718 с.
13. Костина А.В. Этническая культура: специфика развития в современном мире // Новые исследования Тувы. 2009. №1-2. С. 175-189. http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/118-ethnic-culture (дата обращения 10.07.2015).
14. Hofstede G., McCrae R.R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // Cross-Cultural Research. 2004. Vol. 38. № 1, February. Pp. 52-88.
15. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. 386 с.
16. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. – Ярославль. 1996. 24 с.
17. Экспресс – диагностика уровня социальной фрустрированности / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – Ярославль, 1996. С. 132-136.
18. Уставщикова С.В. Этнический состав населения Саратовской области, расселение народов (по итогам переписи 2010 года) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 43-57.
19. Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство. 2006. 200 с.

References

1. Bortnikova T.G. Dinamika etnokul'turnykh protsessov i problemy kommunikatsii [The dynamics of ethnic and cultural processes and communication problems]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011. no.11 (33). Pp. 349-356.

2. Bocharova E.E. Vzaimosvyaz' sub»ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noĭ aktivnosti lichnosti: krosskul'turnyĭ aspekt [Relationship subjective well-being and social activity of person: cross-cultural aspect]. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2012. no. 4. Pp. 53-63.
3. Shamionov R.M. Gruppovye tsennosti i ustanovki kak prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya russkikh i kazakhov [Group values and attitudes as predictors of subjective well-being in Russians and Kazakhs]. *Psikhologicheskie Issledovaniya* [Psychological Studies], 2014. Vol. 7. no. 35, p. 12. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2014v7n35e/1011-shamionov35e.html> (Accessed 10 July 2015).
4. Robinson O.C., Lopez F.G., Ramos K., Nartova-Bochaver S. Authenticity, Social Context and Well-Being in the United States, England and Russia: A Three Country Comparative Analysis. *Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. no. 5. Pp. 165-170.
5. Bocharova E.E. Etnopsikhologicheskie determinanty sotsial'noĭ aktivnosti studencheskoĭ molozhi [Ethnopsychological determinants of social activity of students]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of education], 2012. no. 11. Pp. 124-132.
6. Vagapova A.R. Jetnogruppovye predstavleniya o blagopoluchii i emocional'no-ocenochnoe ot-noshenie k Drugim [Representations of ethnic groups regarding well-being and emotional-evaluative attitude to Others]. *Psikhologiya obucheniya* [Psychology of education], 2014. no.12. Pp. 143-150.
7. Gritsenko V.V. Issledovanie sub»ektivnogo blagopoluchiya russkikh i khakasov v usloviyakh obshchestvenno-ekonomicheskikh peremen [Research of subjective well-being of Russian and Khakassia in a social economic change] In: *Problemy sotsial'noi psikhologii lichnosti* [Problems of Social Psychology of Personality]. – Saratov: Saratov. gos. univ., 2004. Iss. 2. Pp. 132-147.
8. Shamionov R.M. Vzaimosvyaz' strategiy povedeniya i sub»ektivnogo blagopoluchiya predstavi-teley kontaktiruyushchikh etnosov [The relationship behavior strategies and subjective well-being in contact representatives of ethnic groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Fi-losofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izv. of Saratov Univer. (N.S.) Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2012. Vol. 12, iss. 1. Pp. 79-83.
9. Sukharev A.V. Etnofunksional'nyĭ podkhod k probleme psikhicheskogo razvitiya cheloveka [Ethnofunctional approach to the problem of human mental development]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii]. 2002. no. 2. Pp. 40-57.
10. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa [Culture as a fac-tor of social progress]. – Moscow: ZAO «Yustitsinform». 2009. P. 408.

11. Bendas T.V. Rossiya i Kazakhstan: etnokul'turnye i gendernye razlichiya [Russia and Kazakhstan: ethno-cultural and gender differences]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2003. no. 7. Pp. 4-7.
12. Matsumoto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. – S-Pb.: Piter, 2003. 718 p.
13. Kostina A.V. Etnicheskaya kul'tura: spetsifika razvitiya v sovremennom mire [Ethnic culture: the specificity of the modern world]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Research of Tuva], 2009, no. 1-2. Pp. 175-189. Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/118-ethnic-culture (Accessed 10 July 2015).
14. Hofstede G., McCrae R.R. Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture. *Cross-Cultural Research*. 2004. Vol. 38. No. 1, February. Pp. 52-88.
15. Soldatova G.U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of ethnic tensions]. – Moscow, 1998. 386 p.
16. Sokolova M.V. *Shkala subektivnogo blagopoluchiya* [The scale of subjective well-being]. – Yaroslavl'. 1996. 24 p.
17. Ekspress – diagnostika urovnya sotsial'noy frustrirovannosti [Express – diagnostics of level of social frustration]. Eds. by N.P. Fetiskin, V.V. Kozlov, G.M. Manuylov. *Sotsialnopsikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp* [Social-psychological diagnostics of personality development and small groups]. – Yaroslavl', 1996. Pp. 132-136.
18. Ustavshchikova S.V. Etnicheskiy sostav naseleniya Saratovskoy oblasti, rasselenie narodov (po itogam perepisi 2010 goda) [Saratov region ethnic composition, demic diffusion (census returns 2010)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Nauki o Zemle* [Izv. of Saratov Univer. (N.S.) Ser. Earth Sciences], 2012. Vol. 13, iss. 2. Pp. 43-57.
19. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic groups and social boundaries]. Ed. by F. Bart; per. from English. I. Pil'shchikov. – Moscow: Novoe izdatel'stvo. 2006. 200 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Бочарова Елена Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия

e-mail: bocharova-e@mail.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 8715-9400

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bocharova Elena Evgenyevna, Ph.D. in Psychology, Associate Professor of the Chair of Social Psychology of Education and Development

Saratov State University after named N.G. Chernyshevsky

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

e-mail: bocharova-e@mail.ru